

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 3 (132), с. 129–143.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 3 (132), pp. 129–143.

Научная статья
УДК 811.16
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-132-11>
<https://elibrary.ru/lspyka>

Русские субстантивы как тип безэквивалентной лексики на фоне сербского языка

Лепоевич Елена
Нишский университет,
Ниш, Сербия
jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs, <https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются русские субстантивы как особый тип безэквивалентной лексики в сопоставлении с сербским языком. Анализируются те лексемы, которые содержат ярко выраженный социокультурно-исторический компонент, т. е. слова, не имеющие соответствующего аналога в другом языке либо вызывающие сложности при переводе. В ходе исследования установлено, что подавляющее большинство рассмотренных субстантивов не имеют прямых лексических соответствий в сербском языке. Анализ собранного материала показал, что при необходимости объяснить незнакомые реалии наиболее эффективными оказываются два способа: подбор функциональных аналогов соответствующих слов и применение описательного перевода.

Ключевые слова: субстантивация, субстантивы, эквивалентность, безэквивалентная лексика, аналог, описательный перевод

Для цитирования: Лепоевич Елена. Русские субстантивы как тип безэквивалентной лексики на фоне сербского языка. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 3 (132), с. 129–143. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-132-11>; EDN: LSPYKA

Russian substantives as a type of non-equivalent vocabulary in the Serbian language

Lepojevic Jelena
University of Nis,
Nis, Serbia
jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs, <https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>

Abstract. This study considers Russian substances as a special type of equivalent vocabulary in comparison with the Serbian language. The author analyzes those lexemes that contain a socio-cultural-historical component, that is, words that do not have a corresponding equivalent in another language or cause difficulties in translation. The study found that the vast majority of the considered substances do not have direct lexical equivalents in the Serbian language. The analysis of the collected material showed that, if necessary, two ways are most effective to explain unfamiliar realia: choosing a functional equivalent of the corresponding words and using descriptive translation.

© Лепоевич Елена, 2026

Keywords: substantivization, substantives, equivalence, non-equivalent vocabulary, functional analogue, descriptive translation

For citation: Lepojevic Jelena. Russian substantives as a type of non-equivalent vocabulary in the Serbian language. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 3 (132), pp. 129–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-3-132-11>; EDN: LSPYKA

Введение

Субстантивация – продуктивный словообразовательный способ, обусловленный взаимодействием морфологических, синтаксических и семантических факторов. Этот процесс формировался на протяжении длительного времени и во многом определил развитие современных категорий имен прилагательных и имен существительных, тесно связанных друг с другом. Именно поэтому использование прилагательного в функции существительного всегда было широко распространено. Со временем у прилагательных, способных выступать как в субстантивной, так и в адъективной функциях, субстантивная функция начинает закрепляться, в то время как их первичная функция значительно ослабевает или даже полностью утрачивается (например: рус. *запятая, мостовая, горничная*; серб. *запета, стрина, ујна* и т. п.). При этом новообразованные имена существительные в одном сегменте не разрывают связь с мотивирующими их прилагательными – они сохраняют старую систему флексий. В настоящей работе под субстантивами понимаются лексикализованные прилагательные (в широком смысле слова), перешедшие в разряд имен существительных, но сохранившие адъективный тип склонения.

Безэквивалентность возникает, когда явление или понятие, обозначаемое определенной лексемой, отсутствует в другом языке. Русские субстантивы проявляют свою безэквивалентность в сопоставлении с сербским языком, потому что обозначают реалии, не существующие в картине мира носителей сербского языка. Из-за «культурного багажа» такая лексика становится «непереводимой» на другие языки и требует описательного перевода или использования слов других частей речи. В данной работе на примере русских лексикализованных субстантивов мы рассмотрели два типа безэквивалентности: лексико-семантическую и словообразовательную.

Цель – выявить и систематизировать безэквивалентные единицы русского языка в двух тематических группах субстантивов (мифология и историзмы), определив способы их возможной передачи на сербский язык.

Материал и корпус исследования составили субстантивы, извлеченные из художественных текстов русской литературы, их сербские переводы, а также данные толковых и двуязычных словарей.

В работе используются методы сопоставительного и компонентного анализа, а также описательный метод.

Актуальность работы обусловлена тем, что в традиционных исследованиях безэквивалентной лексики (со специфическим и доминантным культурным компонентом) субстантивы либо вовсе не входят в анализируемые группы, либо затрагиваются лишь частично. Между тем русские субстантивы составляют значительный пласт историзмов, лексики с национально-культурной спецификой, а также из области

общественно-политической жизни, что требует их специального изучения в сопоставительном аспекте.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее результатов в переводческой практике и для преподавания русского и сербского языков как иностранных.

Основная часть

1. Теоретические основы изучения безэквивалентной лексики

Насколько бы сами народы и их языки ни являлись генетически близкими, две национальные культуры никогда не совпадут полностью. Нагляднее всего этот факт проявляется при изучении иностранного языка, который принадлежит к той же языковой семье, что и родной язык.

Культурные различия между народами прежде всего отражаются в лексике и фразеологии, поскольку именно эти уровни наиболее тесно связаны с внелингвистической действительностью.

Несмотря на культурные и генетические различия, в плане семантического содержания слова существуют так называемые межъязыковые лексические понятия – «слова, лексические понятия которых являются межъязыковыми, называются *эквивалентными*: они легко переводятся, и при их усвоении вполне допустим семантический перенос»¹, главной характеристикой которых является присутствие в большинстве этнокультурных и языковых сообществ, и которые без затруднений передаются средствами другого языка (например: рус. *книга*, серб. *књига*, англ. *book*, нем. *buch*, исп. *libro* и т. п.).

С другой стороны, есть слова, которые в лингвистике принято называть *безэквивалентной лексикой*. В теории перевода она определяется так – слова, не имеющие установленных эквивалентов в других языках, план содержания которых невозможно сопоставить ни с одним иноязычным словом или выражением. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют такие слова как *непереводимые*², а Р. Мароевич отмечает, что подобные лексемы не могут быть семантизированы посредством перевода³. Но суть явления, на наш взгляд, не только в отсутствии эквивалентов, но и в причинах их отсутствия – в таких словах, как правило, заключена специфика материальной и духовной культуры, которая отсутствует в другом обществе либо выражается иначе. В основном это слова, характерные для определенной эпохи, общественного устройства жизни конкретного народа.

Безэквивалентная лексика, как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, обычно заимствуется из одного языка в другой. Авторы предлагают подразделение русских слов, «наделенных национально-культурной семантикой», на семь групп⁴:

¹ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 1990, с. 42. EDN: PWFJUD

² Там же.

³ Маројевић Радмило. *Лингвистика и поетика превођења*. Бања Лука: Арсипон, 2015, с. 35.

⁴ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 1990, с. 46–50. EDN: PWFJUD

советизмы, слова нового быта, предметы и явления традиционного быта, историзмы, лексика фразеологических единиц, слова из фольклора и слова нерусского происхождения.

В рамках безэквивалентной лексики Л. С. Бархударов выделяет следующие лексические группы – имена собственные, топонимы, реалии и др., которые также могут рассматриваться в качестве лаун¹. Лакунарность описывается как существование «пустого места», которое заполняется различными языковыми средствами. Лакуна понимается как безэквивалентная единица, которая не является абсолютно непереводимой; ее возможно восполнить средствами другого языка, на фоне которого она и обнаруживается. Исключения составляют слова, относящиеся к реалиям, которые представляют собой уникальные культурные понятия определенной национальной среды.

В научной литературе термины «безэквивалентная лексика» и «лакуна» нередко употребляются как синонимы, однако они не тождественны: лакуны можно считать разновидностью безэквивалентной лексики.

Важно подчеркнуть, что само явление безэквивалентности проявляется только на фоне второго языка, с которым происходит сопоставление. Возьмем в качестве примеров русские слова – *самовар*, *матрешка*, *сутки*. Для носителей русского языка они совершенно обычные, понятные, входят в активный словарный запас. Однако при изучении русского языка такой лексике уделяется особое внимание, поскольку она несет в себе национально-культурную информацию.

Так, русский *самовар* в сербской культуре не имеет прямого аналога, его нельзя перевести одним словом (как, например, *чайник*), не потеряв при этом огромный пласт культурных смыслов. Данная лексема требует описательного перевода или объяснения, которое учитывает как технические особенности предмета, так и важнейшую ритуальную роль *самовара* в русской традиции, который выступает символом русского гостеприимства и домашнего уюта. В сербской культуре существует подобный концепт – приготовление кофе в *джезве* (серб. *џезва*). В отличие от русского традиционного чая из самовара, в сербском быту доминирует кофе (домаћа кафа), вокруг которого строится общение.

2. Теоретические основы изучения субстантивации

Морфолого-синтаксическое словообразование – это способ образования новых слов путем перехода из одной части речи в другую без использования специального словообразовательного форманта.

Одной из разновидностей транспозиции является *субстантивация* (от «субстантив» – имя существительное²) – переход слов других частей речи в разряд имен существительных.

В функции имени существительного могут употребляться все классы адекативных слов, включая некоторые порядковые числительные (*первое, второе, третье*).

¹ Бархударов Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения, 1975, с. 94–96.

² Уша Т. Ю. *Словарь иностранных слов*. Санкт-Петербург: Виктория плюс, 2010, с. 617.

Однако лишь переход прилагательных и причастий можно рассматривать как полноценный словообразовательный процесс. В таких случаях можно говорить о *полной субстантивации* адъективных слов – соответствующие флексии прилагательных или причастий преобразуются в самостоятельные именные аффиксы. Как отмечал В. В. Виноградов, «окончания прилагательного, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества»¹.

В тех случаях, когда адъективное слово лишь контекстуально заменяет существительное, можно говорить о *частичной субстантивации*. Единого взгляда на природу этого процесса в научной литературе нет.

Н. М. Шанский определяет субстантивацию как процесс, обусловленный элидированием (опущением) существительного, причем значение словосочетания концентрируется в прилагательном, которое вбирает в себя семантику целого оборота². Другие исследователи связывают субстантивацию с ситуативным употреблением адъективных слов в именной функции.

Е. А. Земская определяет субстантивацию как процесс образования существительных, мотивированных по форме и по смыслу прилагательными и причастиями³.

В академической «Грамматике современного русского литературного языка» субстантивация трактуется как словообразовательный способ, при котором прилагательные, семантически мотивированные определенной синтагмой, усваивают систему флексий в зависимости от рода опущенного существительного⁴.

Важной составляющей любого словообразовательного процесса является словообразовательный формант. При субстантивации он не выражен отдельной морфемой, отличающей дериват от его мотивирующего слова – внешняя форма слова остается неизменной. Формантом выступает изменение общеграмматического значения и синтаксической функции. В частности:

– сокращение парадигмы и изменение категориального значения флексии – слова со значением признака превращаются в слова со значением предметности и закрепляют за исходную форму один из трех родов единственного числа или форму множественного числа;

– в предложении такие слова выполняют функции подлежащего или дополнения, свойственные существительным;

– субстантивированные адъективные слова утрачивают изменение по родам – категории рода и падежа становятся самостоятельными, как и у существительных.

В настоящей работе для обозначения имен существительных, возникших в результате субстантивации, используется термин *субстантивы*. Он был введен в

¹ Виноградов В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Русский язык, 2001, с. 164.

² Шанский Н. М. *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: КомКнига, 2010, с. 19.

³ Земская Е. А. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Флинта, 2009, с. 187.

⁴ *Русская грамматика*: в 2 т., т. 1, главный редактор – Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 2005. 784 с.

научный обиход В. В. Лопатин¹ и впоследствии принят Е. А. Земской и другими исследователями, развивавшими это направление.

Субстантивация является наиболее продуктивным видом транспозиции как в русском, так и в сербском языке, отражая общую тенденцию к экономии языковых средств. При этом в русском языке она проявляется активнее: словари фиксируют большее число лексикализованных субстантивов, тогда как в сербском языке преобладает ситуативное употребление адъективных слов в функции заместителей имен существительных.

3. Анализ корпусного материала

В этой части будет рассмотрена типология безэквивалентных субстантиватов на русско-сербском материале. Основное внимание уделяется абсолютной (референциальной) безэквивалентности, когда субстантив обозначает явление, отсутствующее в культуре носителей другого языка.

Слова с такой семантикой, как правило, указывают на те реалии, которые при сопоставлении двух языков образуют лакуны – то есть понятия, не имеющие соответствующего лексического эквивалента в языке, выступающем в качестве точки сравнения. Под реалиями понимаются «реальные факты, касающиеся быта, культуры, истории страны изучаемого языка, ее героев, традиций, обычаев»². В. А. Маслова считает такие слова элементами культуросферы определенного этноса, не воспринимаемыми носителями другой культуры³. Следовательно, лексема, обладающая спецификой материальной и духовной культуры, как правило, не получает соответствующего отражения в языке другого общества⁴.

Многолетний интерес к субстантивизации как типу словообразовательного процесса привлек наше внимание к лексико-семантическим группам субстантивов, присутствующих в русской культуре, но отсутствующих в сербской картине мира, перевод которых требует развернутого объяснения.

Саму языковую картину мира (далее – ЯКМ) В. А. Маслова определяет как «закрепленную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности», которая еще и «задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру»⁵.

¹ Лопатин В. В. *Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке*. Москва: Русский язык, 1967. 204 с.

² Московкин Л. В., Щерба А. Н. *Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 2012, с. 293.

³ Маслова В. А. *Лингвокультурология*. Москва: Академия, 2004, с. 111.

⁴ Лепоевич Е. Русизмы в современном сербском языке. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2021, № 4 (103), с. 61. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-5>; EDN: HOYYMR

⁵ Маслова В. А. *Лингвокультурология*. Москва: Академия, 2004, с. 64–73. EDN: QRFEZH

Согласно Р. Драгичевич, ЯКМ представляет собой выражение способности человека моделировать и структурировать образ реальности в рамках определенного лингвокультурного сообщества (перевод наш. – Е. Л.)¹.

Мифические существа как фрагмент языковой картины мира

Русская народная традиция, которая является значительной частью русской ЯКМ, характеризуется разветвленной системой мифологических персонажей. Несмотря на общие славянские корни, многие из них не имеют прямых аналогов в сербской мифологии, что приводит к возникновению лексических и концептуальных лакун.

Наиболее показательную группу русских субстантивов, при сопоставлении с сербской культурой, составляют наименования мифических существ – *домовой* (дух дома) и *леший* (дух леса), которые отличаются ярко выраженным культурным компонентом, отсутствующим в сербской ЯКМ. Рассмотрим на конкретных примерах.

*А може кого и домовој во сне
душит.*

А можда је неког вампир давио у сну.

ДЖ, к. I, ч. X, 7, с. 380

ДокЖ, т. II, г. X, 7, стр. 92

По народному поверью, *домовой* – сверхъестественное существо, добрый или злой дух, живущий в каждом доме. Он любит проказничать, может сердиться или душиить спящих², что не характерно для сербской ЯКМ, в которой представление о духе имеет исключительно негативную коннотацию.

С другой стороны, в сербской традиции существует поверье о *зме* как о покровителе дома. Она называется *чуваркућа* и живет под порогом каждого дома – границей между миром живых и миром мертвых. *Чуваркућа* воспринимается как связь с предками, поэтому ее ни в коем случае нельзя убивать – это принесет беду всей семье, а самому хозяину – скорую смерть.

Сопоставление двух лексем показывает, что русский субстантив не имеет полноценного переводного эквивалента в сербском языке. В приведенном примере из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» из-за отсутствия более подходящего слова русский субстантив переведен как *вампир* (то же, что и на русском³), однако семантические поля этих понятий не совпадают. Даже описательная синтагма *кућни дух* или *домаћи дух* не дала бы сербскому читателю достаточно информации, чтобы понять истинное значение русского слова.

*– Ты, леший, чего тут, язви-те,
делаешь? – обратилась она к нему.*

*А шта ти ту, враже, богу ли ти
твоју, радиш? – обрати му се она.*

В, ч. III, г. VII

Вас, д. III, г. VII, стр. 425

¹ Драгићевих Рајна. *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010, с. 12.

² *Большой толковый словарь русского языка*, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000, с. 273.

³ Там же, с. 111.

В русской мифологии есть еще и ‘дух леса, хозяин зверей’¹ – *леший*. Он обладает способностью менять форму и может сбивать путников с дороги. В сербской мифологии нет образа, который имел бы схожую коннотацию с русским субстантивом.

Общим для двух культур является восприятие леса как границы двух миров.

В качестве переводного эквивалента использовано слово *враг* (рус. *дьявол, черт*), которое не полностью соответствует исходному значению русского слова. Более точным переводным аналогом могло бы стать словосочетание *шумски дух* или даже транскрибированная форма *љешиј*, но с обязательным пояснением в примечаниях.

Нельзя обойти вниманием еще одного духа русской мифологии – *водяного*, хотя в сопоставительном плане ситуация с ним выглядит несколько иначе. *Водяной* – ‘дух воды, обитающий в омутах’²; в русских поверьях часто представляется стариком с тинной, у которого есть хозяйство под водой. В сербском языке тоже есть *водени дух*, или *водењак*, живущий в воде или у мельниц. Существует даже поверье о том, что в реке Дунай обитает 99 таких существ, которые заманивают людей в омут, топят их и делают своими слугами. Поэтому рыбаки не спят возле воды, чтобы не стать их жертвой.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что русские субстантивы *домовой* и *леший* представляют собой яркий пример абсолютной референциальной безэквивалентности. В сербской ЯКМ отсутствуют не только прямые лексические соответствия, но и функциональные аналоги, способные передать всю полноту народных верований, связанных с этими персонажами. При переводе таких единиц наиболее эффективной стратегией оказывается описательный перевод с развернутым комментарием. Отдельно стоит выделить субстантив *водяной*, которому в сербской народной традиции частично соответствует лексема *водењак*.

Рассмотренные субстантивы Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров относят к группе «*слова из фольклора*»³.

Историзмы как отражение исчезнувших реалий

Вторую группу субстантивов, не имеющих полноценных переводческих соответствий, составляют историзмы – слова, вышедшие из активного употребления в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий. В сопоставительном плане они часто безэквивалентны, так как исторический путь развития одного государства отличен от другого.

В группу историзмов Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров включили только следующие субстантивы: *крепостной*, *купчая*, *городничий* и *городовой*⁴. Ниже представлен более развернутый перечень субстантивов, которые мы отнесли к данной категории.

¹ *Большой толковый словарь русского языка*, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000, с. 495.

² Там же, с. 141.

³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 1990, с. 49. EDN: PWFJUD

⁴ Там же.

А. Названия профессий

Среди историзмов выделяется группа субстантивов, номинирующих лицо по профессии или должности, которые образовались главным образом на базе прилагательных и действительных причастий настоящего времени. В материале обнаружено значительное количество примеров данного типа: *дворецкий, ловчий, крепостной, хорунжий, стряпчий, городской, частный, городничий, квартальный, становой и околоточный*.

Рассмотрим субстантивы *дворовый* и *дворовая*, закрепившиеся в мужском и женском родах, из-за существовавшей потребности обозначения лиц обоих полов:

Фамилия моя Долгорукий, а юридический отец мой – Макар Иванов Долгорукий, бывший дворовый господ Версиловых.

П, ч I, г I, III

Презивам се Долгоруки, а мој законити отац је Макар Иванов Долгоруки, бивши слуга госпode Версилових.

Д, д I, п I, III, стр. 8

Софья Андреева (эта восемнадцатилетняя дворовая, то есть мать моя) была круглою сиротою уже несколько лет [...].

П, ч I, г V, IV

Софија Андрејева, (та осамнаестогодишња слушкиња, то јест моја мајка) била је пуко сироче већ неколико година [...].

Д, д I, п V, IV, стр. 12

Приведенные субстантивы – наименования крепостных крестьян из дворни. С отменой крепостного права эти лексические единицы ушли в пассивный словарный запас. В сербском языке, не знакомом с данным явлением, нет более точного перевода, кроме использованных лексем *слуга* и *слушкиња*.

Городовой! – крикнул Версилов.

П, ч II, г V, I

Стражару! – викну Версилов.

Д, д II, п V, I, стр. 333

По данным из словаря, *городовой* – название низшего чина городской полиции в Российском государстве 1862–1917 гг. В сербском языке наиболее близким является слово *стражар*, однако оно не передает полную семантику русского субстантива.

– Номерной дожидается.

ДЖ, к. I, ч. II, 20, с. 74

– Хотелски момак чека.

ДокЖ, т. I, г. II, 20, стр. 103

Субстантив *номерной* обозначал работника гостиницы, обслуживающего номера. В сербском языке нет ни субстантивов, ни слов иного происхождения, обозначающих такую должность, поэтому в данном случае используется описательный перевод.

Таким образом, группа объединяет слова, называющие должности, титулы и социальные роли, которые утратили актуальность в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий. Поскольку эти лексемы отражают характерные черты исторического развития русской культуры, в других языках, как правило, их прямые аналоги отсутствуют.

В. Фискальная терминология

Субстантивы данной группы, обозначающие виды сборов и налогов, в современном русском языке называются историзмами. Данный тип ограничен небольшим количеством примеров и считается непродуктивным. К нему относятся следующие лексемы: *подушное, поземельное, подворное, выкупное, мостовое*, а также существительное *отступное*.

– *Оттого, что у него стачки с купцами; он дал отступного.*

– *Зато што се онај договорио с купцима; платио им да одустану од куповине.*

АннаК, ч. II, г. XVI, с. 169

АК, д. II, г. XVI, стр. 218

Выделенный русский субстантив имеет несколько значений в зависимости от того, идет ли речь о термине из правовой сферы, политической жизни либо о понятии в экономике. В лингвистическом словаре можно найти наиболее общее определение: 'плата, вознаграждение за отказ от чего-либо'¹. В сербском языке этот русский субстантив трудно перевести одним словом, поэтому в приведенном примере использован описательный перевод. В словаре Б. Станковича указывается, что *отступное* может переводиться как *уступнина, накнада за уступање*².

Другие субстантивы данной группы не были выявлены в исследуемом корпусе текстов. Ни один из них также не зафиксирован в русско-сербском словаре под редакцией Б. Станковича. Из этого можно сделать вывод, что субстантивы, принадлежащие к фискальной терминологии, отличаются высокой степенью безэквивалентности, что обусловлено различиями в историческом развитии. Они отражают исчезнувшее общественное устройство и отношения в государстве, поэтому их трудно переводить на другие языки, носители которых не знакомы с соответствующими реалиями.

Проведенный анализ показал, что в сербском языке отсутствуют прямые аналоги русских субстантивов из данной группы, что требует дополнительного пояснения при переводе.

¹ Ефремова Т. Ф. *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 2000, с. 861.

² *Русско-сербский словарь*, главный редактор – Боголюб Станковић. Нови Сад: Будућност; Москва: Русский язык, 1998, с. 506.

С. Официальные документы

Названия официальных документов, анализируемые в этом разделе, также отражают специфику российской истории, феодальных отношений и общественно-политического устройства дореволюционной России.

К данной группе относятся такие субстантивы, как *вольная*, *отпускная*. Как правило, они не имеют соответствий в сербском языке.

[...] и я тотчас же дам ему вольную, отпущу ему жену, награжу их обоих [...].

П, ч I, г VII, II

[...] и одмах ћу га ослободити кметских обавеза, вратити му жену, наградити их обоје [...].

Д, д I, п VII, II, стр. 159

Существительное *вольная* образовано от соответствующего прилагательного, мотивированного существительным *воля* ('свобода'). В основе субстантива лежит семантика освобождения – 'дать кому-либо свободу, освободить его (крестьянина) от обязательств'.

– Петровичем начал называться с тех пор, как получил отпускную [...].

Г, Ш, с. 269

– Петрович је почео да се назива откако је добио слободу [...].

Г, Шин, стр. 116

Субстантив *отпускная* обозначает 'документ об освобождении крестьянина от крепостной зависимости'.

Субстантив *мировая* интересен тем, что употребляется как в историческом, так и в современном контексте. Если речь идет о дореволюционных документах, то лексема обозначает документ о примирении. В современном русском языке – это юридический термин, обозначающий добровольное соглашение сторон о прекращении спора. Именно в этом современном значении у него есть прямой аналог в сербском языке – *поравнање* или *нагодба*.

К данной группе существительных относятся и субстантивы *накладная* и *купчая*:

– Вашу тару, – сказал кладовщик профессору и доктору, беглым взглядом окинув их накладные.

ДЖ, к. I, ч. VII, 3, с. 247

– Дајте у шта ћете – рече магационер професору и доктору, прелетевши погледом њихове налоге.

ДокЖ, т. I, г. VII, 3, стр. 280

– Да, но как же я отдам ему? По-еду с ним и совершу купчую?

АннаК, ч. VI, г. XI, с. 155

– Да, али како да му дам? Да одем с њим и да пренесем на њега тапију?

АК, д. VI, г. XI, стр. 175

В качестве переводных эквивалентов использованы сербские существительные *налог* и *татиџа* соответственно. Однако они обладают более широким (и несколько иным) семантическим полем по сравнению с русскими субстантивами.

В русско-сербском словаре для субстантива *купчая* также предлагается вариант перевода словосочетанием *купопродајни уговор*, но это термин из современного сербского языка¹.

Помимо уже упомянутых, к этой группе относится и субстантив *подорожная*, который определяется как ‘документ для проезда куда-л., удостоверяющий право пользоваться определенным количеством почтовых лошадей’². Для данного субстантива в сербском языке нет ни прямого, ни функционального аналога, поэтому единственной возможностью семантизации также остается описательный перевод.

Все проанализированные имена существительные отличаются ярко выраженным социокультурно-историческим компонентом, что делает их наиболее сложными для передачи в другой языковой код. На сербский язык они переводятся (в зависимости от контекста) главным образом описательно, т. к. не имеют устоявшихся переводческих эквивалентов, поскольку обозначаемые ими реалии никогда не принадлежали действительности носителей сербского языка.

Выводы

В настоящей работе проводился анализ русских субстантивов, которые в сопоставлении с сербским языком являются безэквивалентной лексикой. Рассматриваются не просто субстантивы, обозначающие предмет или явление, а именно те, которые являются культурно маркированными. Количество «культурологического багажа», которое заключается в лексемах, может быть различным³. Приведенные в работе примеры являются отражением традиций и исторического уклада жизни, что усложняет их передачу в другой языковой код.

В центре нашего внимания оказались две группы субстантивов – мифические существа и историзмы. Проведенное исследование подтвердило, что лексика анализируемых групп является зоной высокой концентрации безэквивалентных единиц в русско-сербском языковом пространстве. Именно в этих группах культурная специфика проявляется наиболее ярко, а расхождение между русской и сербской языковыми картинами мира наиболее выражено.

Лексемы, которые включают в себя социокультурно-исторический компонент, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры, либо полностью не понимаются, либо недопонимаются носителями иной языковой культуры в процессе коммуникации.

Историческое развитие российского государства повлияло на формирование целого ряда реалий, которые не имеют аналогов в сербской языковой картине мира

¹ *Русско-сербский словарь*, главный редактор – Боголюб Станковић. Нови Сад: Будućност; Москва: Русский язык, 1998, с. 317.

² *Большой толковый словарь русского языка*, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000, с. 875.

³ Драгићевић, Рајна. *Лексикологија српског језика*. Београд: ЗУНС, 2010. 366 с.

(особенно в области государственного устройства, социальной структуры и духовной жизни). Так, в группе мифической лексики безэквивалентность обусловлена различиями в народных верованиях и обрядовой практике. Русские духи – *домовой* и *леший* – не имеют прямых соответствий в сербском языке. Среди историзмов безэквивалентными являются лексемы, связанные с особенностями социальной структуры (*дворовый*, *крепостной*), правовой практикой (*купчая*, *накладная*, *подорожная*) и крепостным правом (*подушное*, *поземельное*, *отступное*).

Основными способами передачи безэквивалентной лексики на сербский язык являются:

- 1) описательный перевод (чаще всего);
- 2) функциональный аналог – использование лексемы с неполным соответствием (в редких случаях).

Выбор конкретной стратегии зависит от степени культурологической нагрузки лексемы и контекста ее употребления. При этом важно учитывать, что речь идет о понятиях, которые с позиции сопоставляемого языка являются «пустым местом», поэтому перед переводчиком стоит задача максимально полно восполнить эту лауну доступными средствами.

Условные обозначения / Letter symbols

АК: Толстој Лав Николајевич. *Ана Каренина* (перевод: Зорка Велимировић). Београд: ЗУНС, 2004.

АннаК: Толстой Лев Николаевич. *Анна Каренина*. Тула: Приокское книжное издательство, 1983.

В: Толстой Лев Николаевич. *Воскресение*, текст преузет са адресе: http://az.lib.ru/t/-tolstoj_lew_nikolaewich/text_0090.shtml (дата обращения 04.11.2025).

Вас: Толстој Лав Николајевич. *Васкрсење* (перевод: Виктор Димитријевић). Београд: Задруга, 1954.

Г, Ш: Гоголь Николай Васильевич. Проза, статьи, *Шинель*. Москва: Советская Россия, 1977, с. 263–291.

Г, Шин: Гоголь Николај Васильевич. Шинел и друге приповетке, *Шинел* (перевод: Зоран Божовић, Вида Стевановић). Београд: Југославијапублик, 1991, с. 111–138.

ДЖ: Пастернак Борис Леонидович. *Доктор Живаго*. Москва: Эксмо, 2004.

ДокЖ: Пастернак Борис Леонидович. *Доктор Живаго* (превод: Олга Влатковић). Београд: Просвета, 1962.

Список литературы / References

Бархударов Л. С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.

Barkhudarov L. S. *Language and translation: Problems of general and special theory of translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1975. 240 p. (In Russ.)

Большой толковый словарь русского языка, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Great Explanatory Dictionary of the Russian Language; editor-in-chief S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 1990. 243 с. EDN: PWFJUD

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture: Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russkii Iazyk, 1990. 243 p. (In Russ.) EDN: PWFJUD

Виноградов В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Русский язык, 2001. 720 с.

Vinogradov V. V. *The Russian language (Grammatical Doctrine of the Word)*. Moscow: Russkii iazyk, 2001. 720 p. (In Russ.)

Ефремова Т. Ф. *Новый толково-словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 2000. 1234 с.

Efremova T. F. *New Explanatory and Word-Formation Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Russkii iazyk, 2000. 1234 p. (In Russ.)

Земская Е. А. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Флинта, 2009. 323 с.
Zemskaja E. A. *Modern Russian Language. Word formation*. Moscow: Flinta, 2009. 323 p. (In Russ.)

Лепоевич Е. Русизмы в современном сербском языке. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2021, № 4 (103), с. 54–65. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-5>; EDN: HOYYMR

Lepojevic J. Russisms in the modern Serbian language. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 4 (103), pp. 54–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-5>; EDN: HOYYMR

Лопатин В. В. *Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке*. Москва: Русский язык, 1967. 204 с.

Lopatin V. V. *Substantivization as a method of word formation in modern Russian*. Moscow: Russkii iazyk, 1967. 204 p.

Маслова В. А. *Лингвокультурология*. Москва: Академия, 2004. 204 с. EDN: QRFEZH
Maslova V. A. *Linguoculturology*. Moscow: Academia, 2004. 204 p. (In Russ.) EDN: QRFEZH

Московкин Л. В., Шукин А. Н. *Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 2012. 551 с.

Moskovkin L. V., Shchukin A. N. *Reader on methods of teaching Russian as a foreign language*. Moscow: Russkii iazyk, 2012. 551 p. (In Russ.)

Русская грамматика: в 2 т., т. 1, главный редактор – Н. Ю. Шведова. Москва: Наука, 2005. 784 с.

Russian grammar: in 2 vol., vol. 1, editor-in-chief N. Ju. Shvedova. Moscow: Nauka, 2005. 784 p. (In Russ.)

Русско-сербский словарь, главный редактор – Богољуб Станковић. Нови Сад: Будућност; Москва: Русский язык, 1998. 1001 с.

Russian-Serbian Dictionary, editor-in-chief Bogoljub Stankovic. Novi Sad: Buducnost; Moscow: Russkii iazyk, 1998. 1001 p.

Уша Т. Ю. *Словарь иностранных слов*. Санкт-Петербург: Виктория плюс, 2010. 816 с.
Usha T. Yu. *Dictionary of Foreign Words*. St Petersburg: Viktoriia plus, 2010. 816 p. (In Russ.)

Шанский Н. М. *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: КомКнига, 2010. 336 с.
Shansky N. M. *Essays on Russian word formation*. Moscow: KomKniga, 2010. 336 p. (In Russ.)

Драгићевић Рајна. *Лексикологија српског језика*. Београд: ЗУНС, 2010. 366 с.
Dragicevic Rajna. *Lexicology of the Serbian language*. Belgrade: ZUNS, 2010. 366 p.

Драгићевић Рајна. *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010. 248 с.

Dragicevic Rajna. *Verbal associations through the Serbian language and culture*. Belgrade: Drushtvo za srpski iezik i knjizhevnost Srbiie, 2010. 248 p.

Маројевић Радмило. *Лингвистика и поетика превођења*. Бања Лука: Ареирон, 2015. 238 с.
Marojevic Radmilo. *Linguistics and poetics of translation*. Banja Luka: Apeiron, 2015. 238 p.

Сведения об авторе

Елена Лепоевич – доктор филолошких наука, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>, jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs, Нишки универзитет (д. 2, ул. Кирила и Методија, 18105 Ниш, Србија); **Jelena Lepojevic** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-7660-0406>, jelena.lepojevic@filfak.ni.ac.rs, University of Nis (2, ul. Kirilla i Mefodijia, 18105 Niš, Serbia).

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

The article was submitted 01.04.2026; Approved after reviewing 16.04.2026; Accepted for publication 30.04.2026.